
РУССКАЯ И МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА

RUSSIAN AND WORLD LITERATURE

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-2-160-172

УДК 82-312.1

БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ «ПРОЗРАЧНОСТЬ-ПЛОТНОСТЬ» В РОМАНЕ Л.М. ЛЕОНОВА «ПИРАМИДА»

Задорина А.О.

***Цель.** Статья посвящена анализу бинарной оппозиции «прозрачность – плотность», благодаря чему уточняется содержание категории святости в романе Л.М. Леонова «Пирамида».*

***Методология.** В качестве теоретической базы используются методы структурно-типологического и мотивного анализа, позволяющие оценить семантическую валентность мотивов.*

***Результаты.** В романе мотив прозрачности связан с богопроникновенностью персонажа, а противоположный ему мотив плотности – с греховной жизнью героя. На примере ангела Дымкова показано, как осуществляется переход между двумя полюсами оппозиции, обеспечивая развитие сюжетной интриги. Мотивы прозрачности и плотности взаимодействуют с такими библейскими мотивами, как чудо и дар. Прозрачность бытия позволяет трансцендентным героям творить в нем чудеса и предвидеть будущее, в то время как для профанных героев все происходящее имеет исключительно прагматическую ценность. Соответственно, по мере движения богопроникновенных героев внутри оппозиции от прозрачности к плотности, они утрачивают свои сверхнатуральные способности и приближаются к типу профанных персонажей.*

Заключение. Особенности функционирования бинарной оппозиции прозрачность – плотность в неореалистическом романе позволяют говорить об эклектическом соединении богословской, классической и антиутопической традиций в ее воплощении, что обуславливает современное, переосмысленное звучание и категории святости в романе-предупреждении.

Ключевые слова: мотив; прозрачность; бинарная оппозиция; проникновенность; святость.

THE BINARY OPPOSITION TRANSPARENCY – DENSITY IN THE PYRAMID, THE NOVEL BY L. LEONOV

Zadorina A.O.

Purpose. The article is devoted to the analysis of the binary opposition transparency – density, which could be useful to clarify the content of the category of holiness in *The Pyramid*, the novel by L. Leonov.

Methodology. Basic methods of structural-typological and motif analysis make possible to evaluate the semantic valence of motifs in the research.

Results. In *The Pyramid* the motif of transparency is associated with the god-seeking nature of the character, whereas the opposite motif of density indicates the sinful life of the character. Angel Dymkov illustrates transition between the two poles of the opposition, ensuring the plot intrigue development. The motifs of transparency and density interact with other biblical motifs, such as the miracle and the gift. The transparency of the world allows transcendental characters to create miracles and foresee the future, whereas profane characters consider everything as having an exclusively pragmatic value. While the characters move from transparency to density inside the opposition, they lose their supernatural abilities and approach the type of profane characters.

Conclusion. The functioning features of binary opposition transparency – density in the neo-realist novel illustrate the eclectic combination of the theological, classical and anti-utopian traditions in its

objectification, which determines the modern, redefined interpretation of the category of holiness in the warning-novel.

Keywords: *motif; transparency; binary opposition; god-seeking; holiness.*

Введение

Роман Л.М. Леонова «Пирамида», где религиозное начало переплетается с мифологическим дискурсом, освещая острые вопросы и вечные проблемы бытия, является, несомненно, одним из самых показательных произведений отечественной литературы XX века. Изданный в 1994 году, он имеет долгую историю написания и переписывания, проработки каждого из образов, отражая тем самым как эволюцию художника, так и изменение социально-политического контекста. Прогностическое, эсхатологическое звучание романа не имело бы той убеждающей силы в случае опубликования произведения хотя бы десятью годами раньше, и новое понимание святости, представленное здесь, как нельзя более характерно соотносится с настоящей действительностью, в которой очевидно выхолащивание истинной веры и подвижничества.

Методологические основания

В рамках структурно-типологического анализа, разработанного в отечественном литературоведении Ю.М. Лотманом, Б.А. Успенским [9, с. 220], В.Н. Топоровым, категория святости в леоновской «Пирамиде» может быть рассмотрена через бинарную оппозицию «прозрачность – плотность», где под прозрачностью понимается проникновенное бытие, под плотностью – непроникновенное. При помощи метода мотивного анализа, представленного в работах И.Е. Силантьева [10], В.И. Тюпы [11], исследуется взаимосвязь данных мотивов с другими сюжетными элементами произведения, среди которых мотивы чуда и дара.

Содержание мотива прозрачности у Леонова коррелирует с различными культурными аллюзиями, обращаясь к поэтическим находкам золотого века, к модернистскому дискурсу и религиозному

мистицизму. Так, в XIX веке мотив прозрачности становится критерием перехода из одного состояния в иное в пределах романтического двоемирия (В. Жуковский) [1, с. 117], а в литературе XX века обретает идеологическую коннотацию (В.В. Набоков, Е.И. Замятин). В антиутопических текстах этих авторов он напрямую связан с идеей механизации общества: прозрачность человека, общественной жизни необходима власти для наиболее эффективного управления ими [4]. Набоковский Цинциннат в «Приглашении на казнь» приговорен к смертной казни именно за непрозрачность, т.е. недоступность для управления. Стеклообразные стены и перегородки, окружающие героев в замятинском романе «Мы», не позволяют скрыть противоправные поступки и разговоры персонажей. В леоновской прозе интерпретация мотива отличается эклектичностью, в которой соединяются антиутопическое звучание модернизма и мистицизм религиозно-мифологических текстов.

Духовная литература обращается к мотиву прозрачности, чтобы обозначить тем самым богопроницательность. Все, что непрозрачно – плотно, отбрасывает тень и недоступно Божьему свету. Так, в «Искушении Святого Антония» праведник побеждает не бесов, но свою тень, тень в себе («изнаночный, иррациональный подсознательный мир»). Победив эту тень, Святой Антоний «стал прозрачен для света Истины» [12, с. 141]. Также и в романе Е. Водолазкина «Лавр», святость напрямую связана с идеей прозрачности, раскрываясь особенно очевидно в образе врача Арсения: «Когда плоть истощается, истончается материальная оболочка, и чем прозрачнее становится материя, тем явственнее просвечивает сквозь нее духовное в человеке» [5, с. 91].

Разработка мотивов прозрачности и плотности в романе «Пирамида»

В неореалистическом романе Л.М. Леонова «Пирамида» плотный мир – это мир людей, созданных, согласно лежащему в основе сюжета апокрифу Еноха, из глины: греховных, целеустремленных, прагматичных; в пространстве романа этот плотный мир олицетво-

руется, прежде всего, династией Бамбалски и режиссером Сорокиным. Их непроницаемость определяется неверием в духовность других (так, Юлия откровенно не верит в непорочность ангела и всячески пытается его соблазнить), отсутствием «компаса душевного» – для достижения корыстных целей они готовы пренебречь любыми нравственными нормами. Интересно, что в системе персонажей есть также герой, которого автор именуется «сверхплотным» – судя по всему, этот эпитет Никанор Шамин, один из выразителей леоновской концепции, заслужил тем, что, несмотря на принадлежность к обществу обычных людей и внешнюю непричастность к сакральному, постиг сложную механику мироздания. Никанор относится к числу тех характеров, которые с сомнением относятся ко всему сверхъестественному и в то же время не могут не замечать его в окружающей их Вселенной.

Прозрачность, проникновенность становится доминантой образов семьи Лоскутовых, в особенности Дуни с ее «призрачной ореольностью» [7, с. 10], а также является ключом к пониманию сущности ангела Дымкова, образ которого построен на «пересечении семиотических границ» [14]. Так, именно прозрачностью бытия обеспечивается возможность ангела Дымкова творить чудеса и предсказывать будущее. Все сверхнатуральные способности героя обусловлены тем, что бытие для него просвечивается насквозь, словно никаких материальных объектов в мире не существует: «Я просто тяну рукой в пустоту, где таится всё, и беру оттуда любую вещь, какая мне подумалась» [7, с. 579].

Из этой прозрачной пустоты, как из вместилища артефактов, ангел извлекает любое количество желаемых предметов, чем поражает свидетелей происходящего. Казалось бы, чем не чудо, аналогии которого встречаются и в новозаветных текстах. Но в Евангелии Спаситель совершает чудеса не столько извлекая их из пустоты, сколько создавая своей божественной силой, энергией (вспомним, когда вдова прикасается к Иисусу в толпе, чтобы исцелиться, он сразу чувствует, что из него ушла сила). Ангел Дымков лишен подобного могущества, его сущностные свойства позволяют обра-

щаться с бытием как прозрачным миром, но своей собственной силой создать чудо ангел не может. Поэтому чуда как такового ангел не знает, поскольку не творит в действительности ничего нового, а лишь переносит уже имеющееся. С другой стороны, если «прозрачность – это вариант не столько развоплощения, сколько существования на грани бытия и небытия, поиска нового варианта воплощения» [1, с. 117], то, получается, благодаря этой самой прозрачности чудесные подарки Дымкова свидетельствуют как раз о несуществующем для земного человека мире, проявляющем свое существование в отдельных формах.

Образ Дымкова противоречив, сюжетная линия, связанная с ним, отображает переход внутри оппозиции «прозрачность – плотность», что позволяет говорить о его мифологической составляющей. Сохранение духовной прозрачности, бесплотности в религиозном смысле требует, безусловно, аскезы подвижника, которая проявляется в посте, воздержании, молитве. Следя за жизнью Дымкова на Земле, легко заметить, как от этих жестких требований он постепенно, незаметно для самого себя, отходит, обрастая в результате земной, греховной оболочкой – именно так происходит своеобразная инициация героя. В первом томе леоновского романа читаем, что «величайшие художники чуждались чрезмерных, по крайности, плотских восторгов, надо думать, губительных для всей категории существ, в деятельности своей причастных к так называемому небесному вдохновенью, тем более для ангелов с их относительно хрупким, хоть и супернатуральным могуществом, в особенности с непривычки, они скоро вянут и вязнут в земной, несоизмеримо плотнейшей среде, технически говоря, обрастают ракушками и теряют навигационные качества» [7, с. 156].

Самый первый шаг Дымкова из прозрачности в плотности был сделан благодаря Дуне Лоскутовой: «Естественно, воображением своим уплотняя ангела из того рассеянного космического вещества в земные габариты, она неминуемо должна была придать ему авторские черты своей личности» – именно фантазия Дуни, вложившей всю силу в свою мечту, создала для бестелесного ангела вполне

осязаемую, физическую оболочку. Возможность силой воображения оживить изображение объясняется проникновенностью самой Дуни, для которой «буквально каждая пядь пространства населена была потаенной жизнью, и все, в зачатке таящееся вокруг, готово было сойти для дружеского общенья» [7, с. 68]. То есть фантазия Дуни дала тело и имя ангелу, но для нее видимым он был всегда – благодаря ей же стал заметен и остальным.

Возникновение физической оболочки приводит к появлению у ангела ряда биологических потребностей, не присущих небесным созданиям [3], поэтому следующий шаг в «оплотнении» трансцендентного героя – наделение его одеждой, которая не только от холода спасает, но и скрывает – вспомним, после грехопадения Адам и Ева начинают носить одежду, скрывающую их греховную сущность. У В.Н. Лосского есть интересное замечание по этому поводу: «Ризы – это нынешняя наша природа, наше грубое биологическое состояние, столь отличное от прозрачной райской телесности» [8, с. 247].

Оказавшись среди людей, ангел в образе человека поначалу отказывается от многих мирских радостей: питается исключительно изюмом, невинен в своих помыслах. Но адаптация к земной жизни, среди обычных граждан, а отнюдь не в монастыре, неумолимо требовала изменений: «Хотя документы у ангела Дымкова выглядели вполне исправно, с первых же его шагов стало ясно, что при его скудных знаниях о мире, куда вступил, он может подобно метеору запросто сгореть в непривычно уплотненной бытовой среде» [7, с. 158]. И эти изменения, безусловно, произошли. Из всех элементов аскетического образа жизни дольше всего герой остается верен постной пище; по сути, к концу его земной командировки, это единственное, что у него сохранилось от прежней сверхнатуральности: «Опять же, будучи под запретом пользоваться на себя без крайности господнюю благодать, а даже без пищи обходится, разве только иногда для виду изюмцу поклюет» [7, с. 14]. Специфическая диета Дымкова словно становится его последним духовным оплотом, право на который он защищает во что бы то ни стало: «Потом ужин,

хотя мне ничего нельзя, кроме изюма... но не подумайте только, милый Никанор, что мне самому нравится такая жизнь. – Что-то сомнительно, – усмехнулся Никанор» [7, с. 418].

По мере утраты прозрачности у Дымкова исчезает способность читать мысли людей, предсказывать их поступки. Мотив пророческого дара (и его изникновения в плотном, непрозрачном мире) определяет земную жизнь небесного странника. В первое время пребывания на Земле способность провидения мешает ангелу – слишком много вокруг него людей, по сравнению с предыдущей пустотой. Постепенно, осваиваясь с земными условиями существования, Дымков утрачивает свой дар и лишь тогда начинает ценить его: «Хуже всего, что видеть вдаль перестаю...» [7, с. 525]. С точки зрения Дуни, Дымков дар «израсходовал» – здесь старо-федосеевская героиня мерит дар той же меркой, что и прагматичный режиссер Сорокин (дар как вещь, был и потерялся). Если же следовать логике профессора Шатаницкого, сверхъестественный дар исчезнуть не может, но вполне вероятно изменение свойств субъекта – обладателя дара, то есть земное пространство и души людей перестали быть для Дымкова прозрачными, проникновенными. Таким образом, неспособность ангела читать мысли и творить чудеса объясняется не тем, что дар исчез, а тем, что Дымков стал другим.

Изменения, сопровождающие образ Дымкова, хотя и свидетельствуют о том, что испытания земной жизнью он не выдерживает, но также подчеркивают стремление всего сущего к гармоническому балансу. Прозрачный ангел не может жить в «непривычно уплотненной бытовой среде» [7, с. 158], он вынужден приспособливаться. Заметим, что в библейской истории Бог-Отец посылает на землю Сына в образе человека – в Новом Завете не указывается ни на прозрачность Мессии, ни на его специфические физиологические потребности (например, на необходимость питаться исключительно изюмом, свойственную ангелу Дымкову, к примеру) – все это свидетельствует в пользу внешней слиянности Христа с человеческим сообществом. Прибытие ангела на землю в идеальном образе изначально ставит его в позицию Чужого. У

Леонова обрастание мистического героя земным веществом происходит как в уравнении, когда перенос переменной из одной части равенства в другую сопровождается сменой модуса на противоположный.

Значимо и то, что в связи с утратой дара проникновения в мысли Дымков лишается возможности ими управлять. Сравним: в начале произведения Дымков, догадавшись о скрытой антипатии к нему Никанора, отправляет Дуниного ухажера в увлекательный полет в лыжах над городом. В конце же ангел, как ни пытается постичь мысли своих собеседников, не в состоянии даже предположить их направление и вынужден лишь констатировать свою беспомощность. Эта связь мотивов прозрачности и управления наталкивает нас на аналогию данного произведения с другими антиутопическими текстами русской литературы. Наконец, в этом неминуемом изникновении трансцендентного дара прослеживается та же логика, что и в судьбе человечества, начиная с Адама: «утрата первоначального совершенства» [3, с. 44] неумолимо ведет к греху и падению в пустоту, «что наступает... перед уходом божества» [7, с. 8].

Заключение

Формирование «новой святости» в романе Л.М. Леонова напрямую связано с мотивом прозрачности и его антиподом - мотивом плотности, которые являются предельными маркерами степени духовной проникновенности бытия. Эволюция мотива прозрачности в литературе выявляет его различные семы, и в леоновском романе очевидно их специфическое слияние, что свидетельствует о мифологизме произведения (поскольку именно логика мифа допускает присутствие противоположных состояний, качеств, действий в один и тот же момент) [2]. Проникновенность бытия в религиозном смысле обеспечивает такие сверхнатуральные качества ангела Дымкова, как провидение и чудотворение. В то же время способность читать мысли людей, предсказывать их поступки дает герою опасную, демоническую власть над человеческим обществом, лишаящую это общество свободного разума.

Список литературы

1. Антошина Е.В. Роль литературы в сохранении и развитии культурной идентичности в условиях русской эмиграции 1920–1940-х гг. (К постановке проблемы) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. 2(40). С. 109–121.
2. Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М.: Наука, 1987. 218 с.
3. Дырдин А.А. Веросознание и мифология в романе «Пирамида» // Роман Л. Леонова «Пирамида». Проблема мирооправдания. СПб: Наука, 2004. С. 43–68.
4. Егоров Б.Ф. Борьба эстетических идей в России. Л.: Искусство, 1982. 334 с.
5. Кобзарь Е.Р. Образ врачевателя в романе Е. Водолазкина «Лавр» // Русская и белорусская литература на рубеже XX–XXI веков. Минск: РИВШ БГУ, 2014. С. 89–93.
6. Козьмина Е.Ю. Кругозор героя в фантастическом авантюрно-историческом романе // Сибирский филологический ж-л. 2016. 3. С. 117–127.
7. Леонов Л.М. Пирамида: В 2 т. М.: Голос, 1994. 736 с.
8. Лосский В. Догматическое богословие. М.: Центр «СЭИ», 1991. 289 с.
9. Лотман Ю.М, Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Успенский Б.А. Избранные труды: В 2 т. М.: «Гнозис», 1994, т.1. С. 219–254.
10. Силантьев И.В. Мотивный анализ. Новосибирск: НГУ, 2004. 239 с.
11. Тюпа В.И. Тезисы к проекту словаря мотивов // Дискурс – 2' 96. Новосибирск, 1996. С. 52–55.
12. Хачатуров С. Романтизм вне романтизма. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 192 с.
13. Шатин Ю.В. Путешествие Нехлюдова в Сибирь. К проблеме инициации // Сибирский филологический журнал. 2016. 2. С.11–15.
14. Эпштейн М.Н. Русская культура на распутье. Секуляризация и переход от двоичной модели к троичной. URL: http://philosophy.spbu.ru/userfiles/rusphil/Epstein_Rus_kult_rasputie.pdf (дата обращения 13.03.2017).
15. Kovtun N. The Fate of the Patriarchal Myth as Depicted by Boris Eki-mov: 'Kholiusha's Yard' and 'Pinochet'. Russian Literature. 2013. 73(3), pp. 411–425.

16. Lipovetzkiy M. The Death as Semantics of Style (Russian metaprose 1920–1930s). *Russian Literature*. 2000. 48(2), pp. 155–194.
17. Murashov Y. The Dionysiac Mysteries of Symbolism and Structuralists' Theory of Myth (Vyacheslav Ivanov and Yuriy Lotman/Zara Mintz). *Russian Literature*. 44(4), pp. 443–456.
18. Shersher S. (1999). The Poetics of Despair. *Russian Literature*. 1999. 45(4), pp. 483–499.
19. Silant'ev I.V. A Becoming of motif's theory in the Russian poetics. *Russian Literature*. 2001. 4, pp. 489–516.

References

1. Antoshina E.V. Rol' literatury v sokhranении i razvitii kul'turnoy identichnosti v usloviyakh russkoy emigratsii 1920–1940-kh gg. (K postanovke problemy) [The role of literature in the preservation and development of cultural identity in the conditions of Russian emigration 1920-1940-s (To the statement of the problem)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philology], no 2(40) (2016), pp. 109–121.
2. Golosovker Ya.E. *Logika mifa* [The logic of myth]. Moscow: Nauka, 1987. 218 p.
3. Dyrdin A.A. Verosoznanie i mifologiya v romane «Piramida» [Confidence and mythology in the novel “Pyramid”]. *Roman L. Leonova «Piramida». Problema miroopravdaniya* [The Pyramid by L. Leonov. The issue of world justification]. SPb: Nauka, 2004, pp. 43–68.
4. Egorov B.F. *Bor'ba esteticheskikh idey v Rossii* [The struggle of aesthetic ideas in Russia]. Leningrad: Iskusstvo, 1982. 334 p.
5. Kobzar' E.R. Obraz vrachevatelya v romane E. Vodolazkina «Lavr» [The image of the doctor in Laur, the novel by E. Vodolazkin]. *Russkaya i belorusskaya literatura na rubezhe XX–XXI vekov* [Russian and Byelorussian Literature at the turn of the 20th and 21st centuries]. Minsk: RIVSh BGU, 2014, pp. 89–93.
6. Koz'mina E.Yu. Krugozor geroya v fantasticheskom avantyrno-istoricheskom romane [Mental outlook of the character in a fantastic adventure-historical novel]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal* [Siberian Philological Magazine]. No 3 (2016), pp. 117–127.

7. Leonov L.M. *Piramida* [The Pyramid]: V 2 t. Moscow: Golos, 1994, t.1. 730 p.
8. Losskiy V. *Dogmaticheskoe bogoslovie* [Dogmatic theology]. Moscow: Tsentr «SEI», 1991. 289 p.
9. Lotman Yu.M, Uspenskiy B.A. Rol' dual'nykh modeley v dinamike russkoy kul'tury (do kontsa XVIII veka) [The role of dual models in the dynamics of Russian culture (until the end of the 18th century)]. Uspenskiy B.A. *Izbrannyye Trudy* [Selected Works]: V 2 t. Moscow: «Gnozis», 1994, t.1, pp. 219–254.
10. Silant'ev I.V. *Motivnyy analiz* [Motif's analysis]. Novosibirsk: NGU, 2004. 239 p.
11. Tyupa V.I. Tezisy k proektu slovarya motivov [Theses to the project of motif dictionary]. *Diskurs* [Discourse], no 2 (1996), pp. 52–55.
12. Khachaturov S. *Romantizm vne romantizma* [Romanticism beyond Romanticism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 192 p.
13. Shatin Yu.V. Puteshestvie Nekhlyudova v Sibir'. K probleme initsiatsii [Nekhlyudov's journey to Siberia. To the problem of initiation]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Philological Magazine], no 2 (2016), pp. 11–15.
14. Epshteyn M.N. Russkaya kul'tura na rasput'e. Sekulyarizatsiya i perekhod ot dvoichnoy modeli k troichnoy [*Russian culture at the crossroads. Secularization and the transition from the binary to the ternary model*]. http://philosophy.spbu.ru/userfiles/rusphil/Epstein_Rus_kult_rasputie.pdf (accessed 13 March, 2017).
15. Kovtun N. The Fate of the Patriarchal Myth as Depicted by Boris Ekimov: 'Kholiusha's Yard' and 'Pinochet'. *Russian Literature*, no 73(3) (2013), pp. 411–425.
16. Lipovetzkii M. The Death as Semantics of Style (Russian metaprose 1920–1930s). *Russian Literature*, no 48(2) (2000), pp. 155–194.
17. Murashov Y. The Dionysiac Mysteries of Symbolism and Structuralists' Theory of Myth (Vyacheslav Ivanov and Yuriy Lotman/Zara Mintz). *Russian Literature*, no 44(4). Pp. 443–456.
18. Shersher S. (1999). The Poetics of Despair. *Russian Literature*, no 45(4), (1999). P. 483–499.

19. Silant'ev I.V. A Becoming of motif's theory in the Russian poetics. *Russian Literature*, no 4 (2001). 4, pp. 489–516.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Задорина Алена Олеговна, доцент кафедры культурологии, кандидат филологических наук
Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 79, г. Красноярск, Красноярский край, 660041,
Российская Федерация
amaltea-20x@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Zadorina Alena Olegovna, Assistant Professor, Cultural Studies Department, Ph. D. in Philology
Siberian Federal University
79, Svobodny Pr., Krasnoyarsk, Krasnoyarskiy kray, 660041, Russian Federation
amaltea-20x@yandex.ru